

**СТАНОВОЙ ХРЕБЕТ
И РАКОВАЯ ОПУХОЛЬ:
ДИСФУНКЦИИ БЮРОКРАТИИ
В ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ**

Аннотация. Описывается механизм отражения феномена бюрократии в словах, метафорах и текстах. Особое внимание уделено семиотическому контексту проблемы бюрократии в философии, социологии и экономике. Показана роль лингвистических и семиотических факторов в исследованиях института бюрократии, определяется сущность бюрократических функций и дисфункций.

Ключевые слова: бюрократия; коммуникация; текст; функция; дисфункция.

Сведения об авторе: Лукин Владимир Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка.

Место работы: Орловский государственный университет.

Контактная информация: 302001, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 41, корп. 3, к. 317.
e-mail: lucerby@yandex.ru.

**“STANOVOY KHREBET”
AND “RAKOVAYA OPUKHOL”:
DYSFUNCTIONS
OF BUREAUCRACY IN LINGUISTIC
AND SEMIOTIC ASPECTS**

Abstract. The paper describes the mechanism of the reflection of bureaucratic phenomenon in words, metaphors and texts. Special attention is paid to semiotics context of the problem of the bureaucracy in philosophy, sociology and economy. The role of linguistic and semiotic factors in developments of bureaucracy is shown in the article and the essence of bureaucratic function vs. dysfunction is considered.

Key words: bureaucracy; communication; text; function; dysfunction.

About the author: Lukin Vladimir Alekseevich, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of the Russian Language.

Place of employment: Oryol State University.

ДИСФУНКЦИИ

Базисная функция бюрократии заключается, как было выяснено, в том, чтобы **руководить под управлением**: являясь составной частью государства и общества (**среда**), бюрократия зависит от воли верховной власти (**обуславливающая структура**), которая руководит бюрократией, ставя перед ней **цель** информационно-документационного управления отдельными сферами общественной жизни, социальными институтами, учреждениями.

Дисфункция — это вторичная функция системы, которая обычно формируется на основе базисной функции, вступая с ней в отношения противоположности по цели и конечному эффекту. Дисфункция бюрократии в общем случае заключается в том, что она стремится **управлять руководством**: присвоив себе властные полномочия обуславливающей структуры, бюрократия пытается стать **целью** собственной деятельности.

Термин «дисфункция», заимствованный из биологии, применительно к социальным феноменам впервые стал употреблять Р. Мертон [2006: 326—329]. Но наиболее емкая и лаконичная формулировка общей сути бюрократических дисфункций (без употребления этого термина) еще до Мертона была предложена К. Ясперсом: «Бюрократия — это средство, но она склонна к тому, чтобы превратиться в са-

моцель. Решающий шаг — это переход от бюрократии, являющейся орудием, состоящей на службе, к бюрократии, которая является самостоятельной. Такая ставшая автономной бюрократия обладает <...> тенденцией к безграничному саморасширению. <...> Аппарат, который должен был служить интересам населения, служит самому себе; он требует стабилизации и надежности для себя» [Ясперс 1994: 194—195].

Большинство частных бюрократических дисфункций следовало бы, по нашему мнению, отнести к социально-семиотическим и даже к более конкретным — лингвосемиотическим, потому что бюрократическая деятельность осуществляется исключительно с помощью письменной коммуникации и прежде всего такого феномена, как документ.

Еще М. Вебер, исходя из принципа документированности управления — «das Prinzip der Aktenmäßigkeit¹ der Verwaltung» [Weber (1922): III, §7, 7], — утверждал, что «бюро является ядром современных предприятий» [ibid.: III, §7, 7]. Именно в **бюро**² осуществляется «катего-

¹ В русском языке разговорным эквивалентом чиновника является **бумагопарака**, в немецком ему соответствует более сдержанное **Aktenmensch**.

² Хотя уже относительно давно соответствующие структурные подразделения в учреждениях чаще называются не **бюро** и **канцелярия**, а **офис**, **синекдоха бюро** активно используется в экономических текстах (скорее всего, сначала в англоязычных, затем — в русских):

ризация, с помощью которой определенные критерии применяются для классификации и соответствующего рассмотрения отдельных проблем и обстоятельств» [Мертон 2006: 324], способов действия и решений, целей, запретов и т. п. в виде универсальных правил. Правила образуют план содержания множества специальных письменных сообщений (текстовых и нетекстовых) — документов. Документ — оружие бюрократа.

Документ

Проблемы определения документа, проведения разграничений между документом и недокументом, классификаций и типологий документов решаются прежде всего в документоведении. Эти проблемы общепринятого решения на сегодняшний день не имеют. Поэтому мы ограничимся далее рассмотрением только одной концепции, конструктивной и в наибольшей мере отвечающей принимаемому здесь лингвосомиотическому подходу к анализу бюрократии.

Документ — письменное сообщение, предназначенное для циркуляции в информационно-документационной системе соответствующего социального института. Эффективность функционирования документа обеспечивается двумя рядами знаков, из которых он состоит.

Во-первых, это знаки, кодирующие то наиболее существенное содержание, ради которого создается документ; они образуют знаковую последовательность текста [Плешкевич 2004: 4]. С лингвистической точки зрения не все документы имеют текстовый характер, например, удостоверение, пропуск или банкноты — нетекстовые документы¹.

Во-вторых, это знаки, свидетельствующие о том, что данное сообщение (текстовое или нетекстовое) есть документ и что данный документ включен в определенную информационно-документационную систему. Все подобные знаки называются *реквизиты*. К ним относятся оттиск печати, подпись, дата, заголовок документа, номер и т. д. В качестве реквизитов обычно выступают автореферентные индексы: номер удостоверения, оттиск печати или герб в паспорте имеют объектом своего обозначения сам тот документ, частью которого они являются; обозначая его, они свидетельствуют о

его подлинности. Часто реквизиты — условные знаки: наименование вида документа, инстанции, выдавшей документ, гриф утверждения документа, отметка о конфиденциальности. Во многих случаях один и тот же реквизит сочетает в себе свойства автореферентных индексов и условных знаков. Оттиск печати, например, удостоверяет подлинность документа и отправляет к выдавшей его инстанции.

На том основании, что реквизиты сообщают информацию о документе, который также является носителем информации, их рассматривают в качестве «носителей метаинформации» [Плешкевич 2004: 5], т. е. в качестве метазнаков.

Информационный центр документа — семантически автономное текстовое сообщение или относительно автономное нетекстовое. Оно может функционировать само по себе и вне состава документа. Реквизиты же — отдельные знаки и знаковые последовательности — не предназначены для самостоятельного использования, потому что семантически просты и не самодостаточны. Тем не менее какое-либо текстовое или нетекстовое сообщение становится документом, только если сопровождается реквизитами — именно они «превращают информационное сообщение в документ посредством включения его в конкретную информационно-документационную систему и обеспечивают выполнение документом его социальных функций» [Там же].

Реквизиты — знаки социального статуса сообщения, позволяющие ему участвовать в качестве документа в официальной письменной коммуникации. Поэтому государство заинтересовано в защите реквизитов — статусных знаков. Они описаны и «закреплены в государственном стандарте или других нормативных актах», причем количество защищенных реквизитов постоянно увеличивается вследствие «усиливающейся роли государства в регулировании информационных процессов» [Там же].

В лингвистическом плане реквизиты соотносимы со статусными индикаторами по Дж. Серлю. Он считает, что статусные индикаторы — основное средство для распознавания институциональных фактов. Институциональный факт создается посредством перформативного речевого акта, в котором происходит присвоение каким-либо объектам социальных ролей (статусов) [Серль 2007]. Но если вследствие перформативных речевых актов *Объявляю вас мужем и женой, Санкционирую проведение обыска, Приказываю приостановить деятельность комитета* и т. п. молодые люди приобретают статус супругов, обыск — статус правомерного деяния, а комитет — временную утрату статуса рабочего органа, то все эти статусы должны иметь силу не только в момент произнесения речевого акта. Для этого они должны быть обозначены письменными знаками (печать, подпись, дата, место...), компенсирующи-

«The model outlined in this section is based on the following two critical characteristics of *bureaus*: (1) Bureaucrats maximize the total budget of their *bureau* <...> (2) *Bureaus* exchange a specific output (or combination of outputs) for a specific budget. For this paper, thus, *bureaus* are defined by these two characteristics» [Niskanen 1968: 293].

«Для экономиста-теоретика актуальны следующие принципиальные вопросы. Что является целевой функцией *бюро*? Как построить модель поведения *бюро*? В какой мере органически присущая *бюро* неэффективность проявляется в различной институциональной среде?» [Кузнецов 2004: 3].

¹ О структурно-функциональном разграничении «текст vs. не-текст» см.: [Лукин 2012].

ми отсутствие той социальной ситуации, в которой имел место речевой акт.

Специфика управленческого документа в том, что его создание далеко не всегда требует перформативного речевого акта. Так, решение о снятии с должности или о назначении на должность может быть принято в тиши кабинета, но обнародование приказа или предъявление документа лицом с соответствующим социальным статусом в соответствующей ситуации соответствующему адресату несут на себе существенные отпечатки перформативности. Прежде всего имеются в виду автореферентность документа и неадекватность его оценки по параметрам истины vs. лжи.

Допустим, имеется постановление суда о наказании в виде лишения свободы гражданина N, совершившего кражу государственного имущества; в то же время членам суда известно, что на самом деле кражу совершил гражданин M. Тогда текст постановления следует расценивать как заведомо ложный, но само постановление как документ (= носитель + текст + реквизиты) есть подлинное свидетельство того, что именно данное решение и никакое другое было принято тем-то, тогда-то и там-то; ложность текста не означает подложности или фальшивости документа. Текст экспертного заключения о качестве некоторого продукта питания может содержать подтвержденную данными медико-биологического исследования констатацию факта наличия в исследованном продукте веществ, вредных для человеческого организма, но при отсутствии таких реквизитов, как дата и место составления экспертного заключения, оно не может быть принято в учет при вынесении судом того или иного решения; истинность текста не гарантирует, не обеспечивает аутентичность документа.

Следовательно, текст документа и документ как целое обозначают не одно и то же — имеют различные референтные области. Они согласованы между собой — грубо говоря, реквизиты документа из информационно-документной системы высшего образования не могут быть приписаны сообщению оборонной тематики, — но не тождественны друг другу. Текстовое или нетекстовое сообщение, даже если оно содержит письменную фиксацию перформативных высказываний или состоит только из них, так или иначе соотносится с социальной реальностью, внеположенной сообщению; документ же является институциональным фактом, т. е. он и есть социальная реальность и одновременно средство ее конструирования¹. В этом смысле

¹ Классический пример того, как документ выпадает из системы оценок, применяемых к тексту, находим в «Былом и думах» А. И. Герцена. Он вспоминает о полковнике Корнилове, ставшим губернатором: «Сначала, как все новички, он принялся все читать, вдруг ему попала бумага из другой губернии, которую он, прочитавши два раза, три раза — не понял.

Он позвал секретаря и дал ему прочесть. Секретарь тоже не мог ясно изложить дела.

управленческий документ представляет собой «конститутивное правило вида „X считается Y в контексте C“². Как только институт устоялся, он порождает структуры, отвечающие за создание институциональных фактов» [Серль 2007: 15]. Конститутивные правила и создаваемые вследствие их применения институциональные факты (часть из которых — новые конститутивные правила) пронизывают, «бесконечно повторяясь» и «функционируя как по вертикали, так и по горизонтали», все общество.

Чем сложнее учреждение, социальный институт или общество в целом, тем сложнее аппарат управления, следовательно, тем интенсивнее процесс использования статусных знаков, их приписывания текстовым и нетекстовым сообщениям, в результате которого постоянно растет множество документов. Из них соткана социальная жизнь всех людей — управляющих и управляемых.

В наши дни документ в общем его понимании — самый агрессивный типологический реципиент — определенные статусные знаки (реквизиты) могут быть приписаны тексту любого типа, который ассимилируется документом (типологическим реципиентом), становясь его составной частью. Это касается и художественного текста, также весьма успешного типологического реципиента, конкурирующего с документом [Лукин 2005: 380—385], но, несомненно, уступающего ему в сфере социальной коммуникации.

Социально-семиотические дисфункции

Данные дисфункции являются непосредственным уточнением общей дисфункции бюрократии и поэтому требуют для анализа достаточно высокого уровня абстракции, при котором учитываются в первую очередь не конкретные единичные участники семиозиса и

<...> Пришел столоначальник. Корнилов, отдавая ему бумагу, спросил, что надобно сделать. Столоначальник пробежал наскоро дело и доложил, что-де в казенную палату следует сделать запрос и исправнику предписать.

— Да что предписать?

Столоначальник затруднился и наконец признался, что это трудно так рассказать, а что написать легко.

— Вот стул, прошу вас написать ответ.

Столоначальник принялся за перо и, не останавливаясь, бойко настроил две бумаги.

Губернатор взял их, прочел, прочел раз и два, — ничего понять нельзя.

Я видел, — рассказывал он, улыбаясь, — что это действительно был ответ на ту бумагу, — и, благословясь, подписал. Никогда более не было помину об этом деле — бумага была вполне удовлетворительна» [Герцен 1967: 256—257]. Суть, таким образом, в том, что текст так и остался не понят, но при этом стало понятно, что содержащий его документ «вполне удовлетворителен».

² Излюбленный пример Дж. Серля — бумажные деньги. Они появляются, когда некто, облеченный необходимыми полномочиями (монарх, правительство, банкир...), заявляет: *Эти бумажные изделия (X) считаются деньгами (Y) с момента этого заявления в этой стране (C)*.

коммуникации, а обобщенные — бюрократия в целом, власть, население, бизнес как субъекты (акторы) экономических, финансовых, политических коммуникаций.

Блокирование информации в условиях асимметричной коммуникации

Профессиональная подготовка и опыт работы с документами предопределяют наличие у бюрократии знаний, которыми не располагает никто из ее партнеров по коммуникации. Это нормальная ситуация для диалога любых специалистов с потребителями их услуг (скажем, врач всегда знает и должен знать больше клиента, преподаватель — больше студента и т. п.). Дисфункция возникает тогда, когда информационное преимущество бюрократии используется ею не для эффективного управления, а для введения в заблуждение и извлечения выгоды. Например, вследствие искусственного усложнения документной (нормативно-правовой) коммуникации и ее частичного блокирования могут создаваться труднопреодолимые препятствия для нормальной работы бизнес-структур. В таких условиях, созданных самой бюрократией, она может предложить информационные услуги в обмен на «подарки», стимулируя коррупцию. Понятно, что бюрократ рискует в случае разоблачения потерять больше, чем приобретает. Поэтому «чем выше ранг чиновника, тем больше величина извлекаемой бюрократической ренты, которая должна быть не менее возможных потерь чиновника в случае обнаружения факта недобросовестного по отношению к государству поведения. Уже имеющуюся информационную асимметрию между государством и хозяйственным субъектом он стремится углубить, что позволяет ему извлекать бюрократическую ренту на *рынке бюрократических услуг*» [Лебедева 2011: 20].

С другой стороны, в условиях информационной асимметрии контроль политических и иных властных структур над бюрократией не может быть полным, поэтому она располагает возможностью предоставления им заведомо искаженных данных, преследуя цель (и достигая ее) принятия интегрирующими структурами выгодных для нее решений (манипуляция).

Сговор при избирательном блокировании

Поскольку появление и существование бюрократии возможно только потому, что она необходима государству, постольку «вся монополия власти бюро вытекает из монополии власти государства, финансирующего его услуги» [Нисканен 2004: 513]. Следовательно, функциональная и дисфункциональная деятельность бюрократии осуществляется в «условиях, которые *совместно* устанавливаются бюрократией и предоставительным правлением» [Там же: 513]. Между этими двумя участниками устанавливается наиболее тесная

коммуникация, предполагающая при прочих равных условиях, (1) минимально возможное со стороны бюрократии блокирование информации и (2) максимально возможное блокирование информации о доверительном диалоге с властью, т. е. изоляцию от небюрократических слоев общества.

Специфически российским (советским) итогом такого сговора при избирательном блокировании информации является номенклатура¹. Номенклатура — часть «бюрократии, владеющая коллективной (номенклатурной) собственностью, которую она отчуждает от госсобственности и которую потребляет в форме значительных (превышающих по стоимости должностной оклад) привилегий» [Хайтун 2006: 104].

В современной России номенклатура «владеет гигантской коллективной собственностью, питающей привилегии чиновников». Прежде всего имеются в виду «государственные служащие — номенклатурный эвфемизм; этот официальный термин не распространяется на учителей, врачей и прочих „простых“ бюджетников» [Там же: 105], включая «простых» бюрократов. Номенклатура, таким образом, противопоставлена не только обществу и народу, но и значительной части бюрократии. «Бюрократия существует во всех странах, ее нельзя отменить, номенклатуру же отменить можно и должно» [Там же: 108].

Экспансия «языка управления»

Бюрократия стремится к управлению под знаком безличности, формальности, калькулируемости и контролируемости. Средство управления тем лучше, чем точнее отвечает этим требованиям. Идеальным средством такого рода являются деньги — «язык управления» (Т. Парсонс). Деньги — тоже документы, — хотя они и не создаются бюрократией, но по своим свойствам как нельзя лучше соответствуют ее духу и букве.

Однако использование денежного кода неадекватно и неэффективно для управления в тех социальных сферах, в которых деятельность людей неформализуема, а ее результаты нематериальны, уникальны, неисчислимы и не имеют рыночной стоимости. В первую очередь это относится к образованию и науке, но не только: «Вы не можете „измерить“ врача временем, которое он затрачивает на рас-

¹ Считается, что номенклатура — это самообозначение привилегированной верхушки бюрократии, сложившейся в СССР в эпоху Сталина; к ней принадлежат не все, а только избранные. Отсюда и необходимость в самоописании: номенклатура «оформляет реально сложившееся классовое государство, отражая его в бюрократических категориях. Поэтому-то она технически и началась с составления списков, которые были для солидности названы замысловатым латинским термином „номенклатура“» [Восленский 1991: 111].

смотрение одного случая. И вы не можете „измерить“ судью временем, которое требуется ему для вынесения приговора по одному делу» [Мизес 2006]. Более того, Л. Мизес справедливо полагает, что сама бюрократия представляет собой «область, где результат человеческих усилий невозможно оценить в денежном выражении. Страна расходует деньги на содержание бюрократических учреждений, на выплату жалованья и заработной платы, на покупку всего необходимого оборудования и канцелярских принадлежностей. Но то, что она получает в обмен на свои затраты — оказанные услуги — невозможно оценить в денежном выражении, каким бы важным и ценным ни был этот „продукт“. Его оценка зависит от произвольного решения государства» [Мизес 2006].

Ошеломляюще очевидный цинизм бюрократии заключается в том, что она отделяет себя от всех подобных социальных институтов.

Понимая невозможность прямого использования денежного кода для оценки труда, например, научного сотрудника, бюрократы стали использовать формальные коды-посредники, объектом которых являются материальные явления и процессы, косвенно связанные с результатами (идеями) работы ученого (индекс продуктивности, индекс цитируемости, индекс Хирша, импакт-фактор издания, в котором опубликована статья и т. п.). Все такого рода показатели, берущие свое начало в наукометрии середины прошлого века, изначально разрабатывались для описания больших массивов данных (от отдельного исследовательского коллектива до масштабов национальной науки) и совершенно неадекватны для оценки конкретного исследователя, тем более для решения вопроса об объеме его заработной платы. Бюрократы об этом отлично знают, хотя бы потому, что им и политикам в области науки и образования уже давно говорят об этом сами ученые [Михайлов 2004]. Но, сознательно исключая себя из сферы действия аналогичных формальных кодов-посредников, бюрократия содействует их экспансии в науке и образовании, бюрократизируя небюрократизируемое.

Дисфункция экспансии формальных кодов-посредников, применение которых позволяет хотя бы опосредованно использовать привычный «язык управления» — деньги, откровенно примитивна, но эффективна. Блокируя на первых порах коммуникацию с возмущенным научным сообществом, бюрократия вбрасывает в его ряды такое семиотическое средство, которое заранее непригодно для декларируемых целей и в то же время очень удобно для манипуляции: немалая часть самих научных сотрудников начинает использовать разнообразные формальные показатели для формирования собственного **имиджа** [Данилевич, Коваленко 2005]. Так стимулируется процесс добровольного бюрократического самоописания, который все шире охватывает мировое науч-

ное сообщество и который компрометирует науку и статус ученого, облегчая вербовку бюрократией своих новых сторонников.

Лингвосемиотические дисфункции

Лингвосемиотические дисфункции имеют более конкретный характер, их анализ основан на материале семантики и прагматики документа, текста и конкретных примерах документно-текстовой коммуникации.

Документ как деньги и товар

Создавая искусственную усложненность и формализм, т. е. частично блокируя информацию в диалоге с населением, бюрократия стимулирует попытки приобретения документов в обход установленных законом процедур. Документы начинают продавать и покупать. Предметом купли-продажи является социальный статус, который в обмен на деньги присваивается бюрократом (продавец) какому-либо лицу (покупатель) посредством вписывания в статусную рамку документа соответствующего текста или нетекста. При наличии устойчивого спроса на данные бюрократические услуги формируется процесс ценообразования. «Все это указывает на наличие развитого рынка, на котором документы выступают в качестве товара. Особенностью — нередкой и для других рынков — является монополия государства (в лице чиновников) на продажу многих документов» [Васильева 2013: 116].

Экспансия монетаристски ориентированных бюрократических кодов, с одной стороны, а с другой стороны, стремление людей к приобретению высокого социального статуса посредством покупки документа вместе содействуют отношению к документу прежде всего как к статусному знаку (СТАТУСНЫЙ ЗНАК = ДОКУМЕНТ — ТЕКСТ). А далее механизм рыночной логики превращает асемантические рамки статусных знаков в знаки меновой стоимости: «...документы превращаются в своего рода „ценные бумаги“, которые могут быть конвертированы в самые разные блага — чаще всего в права, статусы, новые возможности. В итоге товаризации подвергаются и другие объекты (те самые права, статусы, возможности), лишённые рыночной стоимости и не могущие быть предметом простой сделки. Иными словами, происходит экспансия экономической, а точнее, рыночной логики в различные сферы жизни общества» [Там же: 118].

Бюрократия таким образом, действительно, становится государством в государстве — со своим рынком и собственными деньгами.

Девальвация текста

Вследствие преимущественного внимания к статусной рамке документа, текст нередко «используется как фальшивая монета»: информационный центр документа отходит на второй план под диктатом формы — рамки статусных знаков. Доходя до крайности, эта дисфункция приводит к созданию и циркуляции

документов с частично, а то и полностью бессмысленными сообщениями (текстами в строгом смысле их считать уже нельзя). Причем речь, в частности, идет о таком управляемом бюрократией социальном институте, как наука, и таком специфическом документе, как научная публикация. Эти документы создают не бюрократы, а научные сотрудники. Причины «объективного процесса обесмысливания» научных сочинений делятся на внутренние, коренящиеся в самом научном сообществе [Хаззагеров 2010], и внешние, складывающиеся под давлением бюрократии. Мы остановимся на последних.

Во-первых, это может быть либо желание, либо вынужденное принятие логики бюрократических кодов-посредников, ориентированных на деньги как прототип. Например, низкий индекс Хирша или его отсутствие стимулируют, среди других возможных вариантов поведения, выбор преднамеренной бессмыслицы. Здесь уместно сослаться на реальный эксперимент экономиста Дж. Мэйстринга, у которого индекс Хирша был очень низок при наличии вполне приличных результатов и добротной репутации: «Надо было сочинить такую благоглупость, что умолчать о ней было бы нельзя, к тому же ее разоблачение не должно было составить затруднение даже студенту <...> я в течение пары часов набросал большую статью...» [Мэйстринг 2011: 143]. Статья вызвала бурное обсуждение, нелицеприятную критику, стремительный рост индекса Хирша и поток грантов. Но самое главное, пишет Мэйстринг, «стали появляться и статьи моих сторонников» [Там же: 144] — искренних сторонников бессмыслицы.

Еще более впечатляющие эксперименты были поставлены раньше — это публикация (с последующим саморазоблачением) двумя французскими авторами преднамеренно бессмысленной и откровенно антинаучной статьи в престижном международном журнале и хорошо известная в нашей стране история с публикацией лишенной смысла знаковой последовательности, сгенерированной компьютерной программой, под видом статьи в одном из осязанных отечественной бюрократией «ваковских журналов» (о специфической дисфункции двух этих прецедентов см.: [Лукин 2011]).

Объективно способствует девальвации текстов рост спроса на статус кандидата наук (доцента), чаще — доктора (профессора) в среде публичных политиков, бизнесменов и самих бюрократов [Калимуллин 2006: 18—20]. Предмет покупки, конечно, не научный результат и, по существу, даже не текст (просто без него нельзя обойтись), а диплом исключительно как знак социального статуса. Поэтому диссертации и необходимые для защиты статьи создают в основном кандидаты наук, выступающие в роли литературных негров — *райтеров*. Тексты диссертаций, конечно, не должны быть бессмысленными, но и не должны

быть итогом полноценного исследования: «Задача заключается в умелой компоновке материала, который находится в открытом доступе. Причем при соответствующей мотивации райтер диссертаций по гуманитарным наукам в состоянии написать текст по любой теме в рамках любой специальности, от экономической теории до психологии личности» [Там же: 37]. На таком фоне значительному числу простых аспирантов и соискателей становится выгодным не тратить время на трудное и непредказуемое научное исследование, а «вырезать» из интертекстуального пространства множество фрагментов и «склеить» их, стилистически подработав, в одно целое. Но тогда сам текст становится дисфункциональным явлением, потому что увеличивающееся число подобных диссертаций и статей создает искаженное представление о сути и подлинных ценностях науки, а текстовая избыточность затрудняет (частично блокирует) знакомство с результатами настоящих исследований. Общество попадает в «диссертационную ловушку» [Балацкий 2005].

Эта бюрократическая дисфункция является частным случаем общей кризисной тенденции современного общества, при которой «речь превращается в хаос неопределенностей» [Ясперс 1994: 149], а содержание (цельность) текста приобретает черты иконичности относительно хаоса вовне текста» [Лукин 2006: 158]. Конечный эффект дисфункции — катастрофическое распространение глупости как социального явления [Там же: 155—156], несомненно, выгодно бюрократии: «Редко можно встретить, чтобы большое число вполне разумных и беспринципных людей играло вместе. Там, где собираются мошенники, всегда есть дураки; а если имеется достаточное количество дураков, они представляют собой более выгодный объект эксплуатации для мошенников» [Винер 1983: 242].

ЛИТЕРАТУРА

1. Балацкий Е. В. Диссертационная ловушка // Свободная мысль. 2005. № 2. С. 92—104.
2. Борщевская Т. С. Термины и терминоиды в лексико-семантическом поле «Менеджмент»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2012.
3. Бюрократия и власть в новой России: позиция населения и оценки экспертов: аналит. докл. — М.: Ин-т социологии РАН, 2005. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_bureaucracy.html (дата обращения: 17.03.2014).
4. Васильева Е. Социальные эффекты фальсификации документов: анализ современных российских практик // Статус документа: окончательная бумажка или отчужденное свидетельство? — М.: НЛЮ, 2013. С. 103—124.
5. Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. — М.: Наука, 1983.
6. Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. — М.: Советская Россия, 1991.

7. Герцен А. И. Былое и думы. Ч. 1—3. — М.: Художественная литература, 1967.
8. Данилевич Я. Б., Коваленко С. А. Имидж ученого: современные PR-технологии в экономике знаний // Известия РАН. 2005. № 1. С. 32—35.
9. Данилин П. «Офисный планктон» как политическая угроза // Взгляд. Деловая газета. 26.09.2006. URL: <http://vz.ru/politics/2006/9/26/50437.html> (дата обращения: 17.03.2014).
10. Деменцова Э. «Идеальный корпоратив» провели на премьере в Театре.doc // RG.RU Российская газета. 29.11.2013. URL: <http://www.rg.ru/2013/11/29/teatrdoc-site.htm> (дата обращения: 17.03.2014).
11. Калимуллин Т. Р. Российский рынок диссертационных услуг. — М.: ГУ ВШЭ, 2006.
12. Кузнецов Д. И. Бюрократические механизмы воздействия государства на экономические процессы: пути оптимизации : автореф. дис. ... канд. экон. наук. — СПб., 2004.
13. Лебедева Ю. Н. Информационная асимметрия как условие бюрократизации отношений бизнеса и власти : автореф. дис. ... канд. экон. наук. — Волгоград, 2011.
14. Лукин В. А. Блокирование информации как функция текстов // Текст и подтекст: поэтика эксплицитного и имплицитного. — М.: Азбуковник, 2011. С. 23—32.
15. Лукин В. А. Кризис и текст // Русское слово в русском мире — 2005: государство и государственность в языковом сознании россиян. — М.: Азбуковник, 2006. С. 126—167.
16. Лукин В. А. Художественный текст: основы лингвистической теории. Аналитический минимум. — М.: Ось-89, 2005.
17. Лукин В. А. Элегантная эвристика для определения не-текста // Urbī et academiāe. 2012. № 1 (3). С. 101—110.
18. Луман Н. Медиа коммуникации. — М.: Гнозис, 2005.
19. Макаренко В. П. Вера, власть и бюрократия (критика социологии М. Вебера). — Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1988.
20. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. — М.: АСТ, 2006.
21. Мизес Л. фон. Бюрократия. Запланированный хаос. — Челябинск : Социум, 2006. URL: http://www.libertarium.ru/l_lib_buero1 (дата обращения: 17.03.2014).
22. Михайлов А. П. Моделирование концепта «ВЛАСТЬ» в русской языковой картине мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Новосибирск, 2010.
23. Михайлов О. В. Блеск и нищета индекса цитирования // Известия РАН. 2004. № 11. С. 1025—1029.
24. Мэйнстринг Дж. Гениальный «хиршер» // Tetra economicus. 2011. № 4. С. 142—144.
25. Нисканен В. А. Бюрократы и политики // Вехи экономической мысли. Т. 4. Экономическое благосостояние и экономический выбор. — СПб.: Экономическая школа, 2004. С. 494—535.
26. НКРЯ = Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>. (дата обращения: 17.03.2014).
27. Осипова Е. В. Бюрократия: «идеальный тип» и реальность // Бюрократия в современном мире: теория и реалии жизни. — М.: ИФ РАН, 2008. С. 63—100.
28. Откритка № 243369. URL: <http://atkritka.com/243369> (дата обращения: 17.03.2014).
29. Панова М. Н. Языковая личность государственного служащего: опыт лингвометодического исследования. — М.: Изд-во РУДН, 2004.
30. Панова М. Н. Языковая личность современного чиновника как субъекта государственного управления // Русское слово в русском мире — 2005: государство и государственность в языковом сознании россиян. — М.: Азбуковник, 2006. С. 168—174.
31. Плейкевич Е. А. Понятие «реквизит документа»: к постановке вопроса // Научно-техническая информация. Сер. 1. 2004. № 10. С. 1—7.
32. Поваров Г. Н. Ампер и кибернетика. — М.: Сов. радио, 1977.
33. РАС = Русский ассоциативный словарь : в 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. — М.: АСТ, 2002.
34. Ретцер Дж. Макдональдизация общества. — М.: Практис, 2011.
35. Серль Дж. Что такое институт? // Вопросы экономики. 2007. № 8. С. 5—27.
36. Хазагеров Г. Г. Обесмысливание научного дискурса как объективный процесс // Социологический журнал. 2010. № 2. С. 5—21.
37. Хайтун С. Д. Номенклатура как «разумная система» // Вопросы философии. 2006. № 4. С. 97—112.
38. Чаленко А. «Евромайдан» — это «офисные хомячки», вышедшие «поефестивалить» // Inpress.ua : информационно-аналит. портал. 12.12.2013. URL: <http://inpress.ua/ru/politics/21778-evromaydan-eto-ofisnye-khomyachki-vyshedshie-pofestivalit-chalengkovideo> (дата обращения: 17.03.2014).
39. Чаликова В. А. Концепция рациональной организации в социологии Макса Вебера и в современных буржуазных теориях бюрократии : дис. ... канд. филол. наук. — М., 1970. URL: <http://chalikova.ru/dissertacija-maks-veber-konczepczija-rac-zionalnoj-organizaczii.html> (дата обращения: 17.03.2014).
40. Четваева Н. Г. Социология чиновничества в России: дореволюционное наследие и современность // Мир России. 2009. № 3. С. 85—113.
41. Шевченко В. Н. Российское государство и российская бюрократия: ретроспектива и перспектива // Бюрократия в современном мире: теория и реалии жизни. — М.: ИФ РАН, 2008. С. 101—149.
42. Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М.: Республика, 1994.
43. Niskanen W. A. Nonmarket decision making the peculiar economics of bureaucracy // The American Economic Review. 1968. Vol. 58, №2. P. 293—305.
44. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriß der verstehenden Soziologie (1922). URL: http://www.textlog.de/weber_wirtschaft.html (дата обращения: 17.03.2014).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.